

З. В. УДАЛЬЦОВА

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО БУРЖУАЗНОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ
XX века

(К. Н. Успенский)

Одним из наиболее талантливых представителей русской византиноведческой науки начала XX в. был Константин Николаевич Успенский (1874—1917). Вместе с тем именно в трудах К. Н. Успенского, пожалуй, наиболее ярко проявились черты кризиса буржуазной науки, захватившего и русское византиноведение того времени. При всей оригинальности мышления, умении не только по-новому прочесть хорошо известный источник, но и по-новому поставить сложный вопрос, при всем стремлении идти своим собственным путем, пересматривая общепринятые в науке точки зрения, К. Н. Успенский, как сын своего века, все же не избежал влияния некоторых «новомодных» в его время философских теорий. Начав свою научную деятельность как горячий сторонник позитивизма, как исследователь, углублявшийся преимущественно в изучение социально-экономической истории Византии, К. Н. Успенский в дальнейшем, в период первой мировой войны и февральской революции 1917 г., увлекся распространенной среди части русской буржуазной интеллигенции философией Маха и Авенариуса. Продолжая стоять в своей исследовательской работе на позициях позитивизма с его признанием роли экономики как одного из важных факторов развития общества, К. Н. Успенский в своих историко-философских построениях объективно все больше и больше скатывался к махизму, к отрицанию возможности понять, осмыслить какие-либо закономерности в хаосе исторических событий.

Отходя в своей философии истории от лучших достижений школы позитивизма, К. Н. Успенский приходит к весьма характерному пессимистическому выводу о невозможности определить причинность исторических явлений, их закономерность. Ссылаясь на Авенариуса и Маха, К. Н. Успенский проповедует прямой агностицизм в истории. К. Н. Успенский солидаризируется с Авенариусом в отказе от признания причинности явлений и принимает его теорию интроекции. Он подчеркивает, что «в этом стремлении различить причины и следствия, в разложении явления на силу и результат следует видеть фиктивную операцию...»¹. Соглашаясь с Махом, что понятие причины скомпоновано по понятию воли, К. Н. Успенский иронизирует по поводу бесплодных усилий историков, стремящихся определить причинную связь исторических событий. «Мы вообще, — пишет

¹ К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917, стр. 65.

он, — охотно разнородные множества людей скучиваем в искусственные рубрики: общество, народ, человечество, и они у нас действуют как лица. Мы персонифицируем даже самые исторические явления и процессы и ведем речь о фигурах революций, реакций, падений, капитализмов как о сознательных и активно действующих организмах..., увлеченные этой условностью, мы иногда начинаем верить, что одно явление может стать причиной другого, т. е. создать другое явление»². Отрицая возможность познать истинный смысл и причинную связь исторического процесса, К. Н. Успенский призывал к уходу от широких обобщений и «схем» в мир чистой фактологии. «Наш интерес, — говорил он, — должен переместиться с расследования и угадывания причин совершившегося изменения на изучение того, как (разрядка автора. — З. У.) происходили эти перемены...»³ Иными словами, анализ причинности исторического развития должен быть заменен простым описанием фактов.

Общественная борьба и политическая действительность первого десятилетия XX в. не могла не отразиться в трудах К. Н. Успенского. Не мог он пройти мимо и не высказать своего отношения к марксизму.

В своих лекциях по истории древней Греции, прочитанных в 1910/11 г. на Московских высших женских курсах, К. Н. Успенский довольно подробно останавливается на разборе исторического, или, как принято было тогда говорить, «социального», материализма.

Влияние марксизма на буржуазную науку было уже столь значительным, что К. Н. Успенский не может не признать появление «социального материализма» крупным поворотом в сфере исторической науки и соглашается с тем, что это направление «можно назвать господствующим и в наши дни». Интерес к социальной истории, создание особой науки об обществе — социологии — автор возводит к О. Контю. Он признает, что появление марксизма было обусловлено самой исторической действительностью, которая «выдвинула в общем движении социальной жизни важность экономических отношений и вопросов». Рост капитализма «с его дикой борьбой за богатство» «усиливал значение хозяйственных интересов в общественной и частной жизни. Огромные успехи политической экономии и статистики явились прямым ответом на эти новые запросы общественной мысли. В области исторического изучения эта перемена выразилась в том, что при исследовании социальной жизни особенную важность приобрел вопрос о хозяйственной организации общества». Однако, признавая тот неоспоримый факт, что с последней четверти XIX в. в умах воцаряется «материалистическое понимание истории», К. Н. Успенский искажает сущность марксизма, обедняет его, утверждая, будто это учение «все движение социальной жизни пытается свести к одному хозяйственному фактору». Не принимая историко-философскую теорию К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Н. Успенский, противореча самому себе, утверждает, что это учение, якобы не получив при своем появлении в свет законченного логического развития, мало привлекло к себе внимания, что лишь после смерти К. Маркса к нему пробудился интерес и «исторический материализм стал предметом бесчисленных толкований, применений и популяризаций со стороны так называемых марксистов»⁴.

Весьма характерно, что эти критические высказывания о марксизме, включенные К. Н. Успенским в его лекционный курс, читавшийся в годы

² Там же.

³ Там же, стр. 67.

⁴ К. Н. Успенский. История древней Греции. Курс лекций, читанный на Московских высших женских курсах в 1910/11 г. М., 1910, стр. 31—32 (далее — Лекции по истории древней Греции)

реакции, отсутствуют в «Очерках по истории Византии» (1917 г.), где Успенский просто обходит молчанием свое отношение к марксизму. В этом, видимо, сказалось влияние общего революционного подъема, охватившего даже либеральную интеллигенцию России в период февральской революции 1917 г.

Новым и весьма характерным явлением в идейно-политической направленности византиноведческих работ XX в. был подчеркнутый эволюционизм — отрицание всяких «переворотов и поворотов» в истории Византии. Наиболее ярко это стремление отказаться от всякого признания возможности революций, «скачков» в историческом развитии проявилось опять-таки у К. Н. Успенского, основной труд которого, по словам автора, должен был доказать, что история Византийской империи свидетельствует «...не о совершившемся перерождении Римской империи в иную, новую, не о нахлынувшей вдруг реакции эллинизма или Востока, а как раз об отсутствии таких переворотов и поворотов и о живучести старых, выработавшихся еще в античной среде укладов и жизненных форм»⁵. Идее эволюционизма подчинена вся концепция истории Византии, изложенная К. Н. Успенским первоначально в цикле его лекций, читавшихся на Московских высших женских курсах в 1912—1915 гг.⁶, а затем почти без изменений вошедших в главный труд его жизни — «Очерки по истории Византии».

В основных чертах концепция К. Н. Успенского состоит в следующем: между Восточноримской и Византийской империями не существовало никакой реальной исторической грани; разделение империи на Восточную и Западную в IV в. — чистая фикция⁷. К. Н. Успенский хотя и не отрицает известных этнографических и экономических изменений, происшедших в империи в V в., но все же настойчиво утверждает, что история Византии — это единый непрерывный исторический процесс эволюции Римской империи⁸.

Правильно критикуя схоластическое понятие «византинизма», К. Н. Успенский доходит, однако, до отрицания самого понятия «Византия», «Византийская империя», стремясь изобразить византийскую историю как единый плавный процесс эволюции Римской империи⁹.

Эволюционистская концепция, безусловно, порожденная страхом русской либеральной буржуазии перед революцией, проходит красной нитью через весь труд К. Н. Успенского и особенно отчетливо проявляется в освещении им судеб Поздней Римской империи и вопроса об образовании Византии¹⁰.

Изложение истории Поздней Римской империи К. Н. Успенский в силу своих монархических и идеалистических взглядов начинает с по-

⁵ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 11.

⁶ К. Н. Успенский. История Византийской империи, вып. I—II, 1912/13 уч. год; его же. История Византийской империи, вып. I—II, 1913/14 уч. год; его же. История Византийской империи, ч. I—II, 1914/15 уч. год. (литогр. курсы лекций; далее — Курс лекций по истории Византийской империи). Кроме того, на Московских высших женских курсах К. Н. Успенский в 1910—1911 гг. читал курс лекций по истории древней Греции.

⁷ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 6.

⁸ Там же, стр. 9.

⁹ Там же, стр. 7. Ср. К. Н. Успенский. Юстиниан и крупное землевладение сенатской знати. «Голос минувшего», № 6, 1913, стр. 5 (эта статья почти текстуально вошла в «Очерки»).

¹⁰ Подобные же эволюционистские теории господствовали в то время и в западноевропейской буржуазной историографии, что особенно ярко проявилось в общих трудах английского византиниста Дж. Бэри.

литической эволюции империи, выразившейся, по его мнению, прежде всего в эволюции императорской власти. Эта эволюция в главных чертах завершается в IV в. и состоит в перестройке императорской власти на началах восточной деспотической монархии и новой христианской религии¹¹. Особенно характерно для эволюции по восточному образцу «слияние государственного дела с государевым, признание государя полным господином и хозяином всего огромного объединения стран и людей»¹². В том же направлении торжества «восточных начал» происходит эволюция и в административном строе империи, выразившаяся в бюрократизации и централизации государственного управления, разделении гражданской и военной властей, иерархизации государственного аппарата по образцу административной системы управления Птолемея Египта¹³. В результате этой эволюции Римская империя становится абсолютной монархией, покоящейся на централизованной бюрократии. При этом восточные монархические порядки захлестнули сначала греческие народные политии, а потом и римское республиканство¹⁴.

Исходя из ошибочного представления о доминирующей роли именно политической эволюции императорской власти и государственного управления К. Н. Успенский рассматривает социальную эволюцию Римской империи лишь как производное явление, зависящее от политической эволюции.

Вместе с тем надо отметить, что в отличие от многих историков Римской империи К. Н. Успенский совершенно правильно подчеркивает неправомерность нивелировки общественного строя на протяжении всей империи и указывает на наличие существенных этнических и культурных различий не только между Западной и Восточной империями, но и внутри этих частей Римского государства. Он совершенно справедливо призывает изучать не горизонтальные общественные пласты на протяжении всей империи, а вертикальные разрезы на несколько обществ, живших в ней и проходивших свою эволюцию, несмотря на уравнительную и нивелирующую политику государства¹⁵.

Тем самым автор правильно подчеркивает крайнюю важность локальных исследований социально-экономического развития отдельных областей империи. Однако и в этом правильном конкретном выводе он исходит опять-таки из неверной посылки — из отказа дать какое-либо обобщение о социальной эволюции всей империи.

Социальную эволюцию Римской империи К. Н. Успенский усматривает прежде всего в распадении ее на отдельные княжества, отрывавшиеся от государственного центра. Эти феодализирующие процессы в V в. с одинаковой силой действовали в западной и в восточной областях империи. В социальной эволюции важную роль сыграла ненормально развившаяся и превратившаяся в антигосударственную силу земельная аристократия, состоящая из имперских сенаторов. В ее «устроении» — в превращении ее в крупную экономическую и политическую силу на местах, по мнению К. Н. Успенского, тоже сказалось влияние наследия эллинистического Востока¹⁶.

Именно на Востоке к V в. образовались многочисленные и самые крупные в империи имения — сальтусы сенаторской знати, обладавшие,

¹¹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 17.

¹² Там же, стр. 23.

¹³ Там же, стр. 18 и сл.

¹⁴ Там же, стр. 23.

¹⁵ Там же, стр. 24.

¹⁶ Там же, стр. 28—29.

подобно императорским землям, автономией и удельностью; постепенно они почти перестали зависеть сперва от муниципальной, а затем и от государственной власти¹⁷. В тесной связи с ростом экзимирированного крупного землевладения находилось, по мнению К. Н. Успенского, и «закрепощение сельского населения империи, принявшее формы колоната». В своей трактовке римского колоната К. Н. Успенский находится под большим влиянием концепции М. И. Ростовцева. Подобно М. И. Ростовцеву, К. Н. Успенский сильно «ориентализирует» весь общественный строй Поздней Римской империи, ищет корни римского колоната на эллинистическом Востоке и предшественниками римских колонов считает эллинистических и доэллинистических «царских земледельцев» Египта и Малой Азии¹⁸. По его мнению, восточные формы закрепощения сельского населения были «всецело и покорно восприняты Римским государством»¹⁹. Характерными особенностями колоната в Восточной Римской империи, воспринятыми у эллинистического Востока, К. Н. Успенский (вслед за Ростовцевым) считает: 1) сочетание основ крепостничества с юридическими формами свободной земельной аренды; 2) применение к населению деревни и города учения об *idia* (*origo*), «которое обязывает каждого человека нести в своем родном углу (разрядка автора.— З. У.), в своем кругу определенные личные и имущественные тяготы...»²⁰. В дальнейшем развитие этого учения привело к появлению тягатургий и к прикреплению населения по месту приписки к тяглу; 3) наконец, третью особенность восточноримского колоната К. Н. Успенский усматривает в существовании на Востоке «государственных крестьян»²¹. Но параллельно (и отчасти против воли государства) складываются отношения, ведущие к экономической зависимости крестьян от крупных собственников. Явно преувеличивая степень распространения «крепостничества» на Востоке, К. Н. Успенский полагает, что в IV в. все сельское население империи было прикреплено к земле²². Вместе с тем большим достоинством раздела труда К. Н. Успенского о колонате является то, что автор отказывается от стремления многих ученых изобразить римских колонов единым «общеимперским классом» закрепощенных крестьян²³. Он правильно указывает на то, что колонат — явление бесконечно разнообразное как по своему происхождению, так и в сложившемся виде, а колоны IV—V вв. — не единая закабаленная и закрепощенная масса, но различные разряды и группы сельского населения (оригинарии, адскриптиции, *coloni liberi* и др.), в статусе которых по-разному сочетаются элементы свободы и зависимости²⁴.

Приходя к этому интересному и вполне обоснованному выводу, К. Н. Успенский, однако, впадает в противоречие: в одном месте своего труда он утверждает, что основной тенденцией как экономического развития, так и государственной политики в IV—V вв. являлось закрепощение всего сельского населения. «В IV в. — пишет автор, — все сельское население империи оказывается прикрепленным к земле»²⁵. В другом же месте своей работы К. Н. Успенский, как бы забывая свои собственные выводы, утверждает, вслед за П. Г. Виноградовым, что «положение вещей в империи IV—V вв. было именно бла-

¹⁷ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 28—29.

¹⁸ Там же, стр. 34.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 35.

²¹ Там же, стр. 36.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 38.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

гоприятным для мелких фермеров и крестьян и, наоборот, очень неудобным для установления прав крупных землевладельцев»²⁶. При этом автор доказывает, что, начиная с V в., в среде крестьян (особенно в Восточной Римской империи) росли элементы и тенденции свободы и расширялись и налаживались общинные учреждения²⁷.

Весьма существенным изъяном в трактовке социально-экономической эволюции Поздней Римской (а затем и Византийской) империи является почти полное игнорирование К. Н. Успенским роли города. История городов, состояние ремесла и торговли в империи IV—V вв. интересуют его лишь в одном плане — в плане их перестройки по восточному образцу²⁸. При этом на первый план выдвигаются лишь два явления: 1) закрепощение государством торговых и ремесленных коллегий в городах империи и 2) образование огромных государственных фабрик и заводов (!)²⁹, на которых используется труд рабов и приписанных к этим предприятиям ремесленных коллегий. И та и другая линии перестройки античного города-полиса, по мнению автора, восходят своими корнями к организации ремесла и торговли на эллинистическом Востоке. Так, закрепощение торгово-ремесленных коллегий — результат распространения на города восточного учения об *id'ia*, а государственные мастерские в Римской империи — это младшие сестры «крупных царско-домашних производств» Птолемеевского Египта³⁰.

Весьма важным звеном в исторической концепции К. Н. Успенского и его философии истории является оценка роли христианства в историческом развитии римского и византийского общества.

Понимание эволюции Римской империи и становления средневекового общества, по мнению Успенского, невозможно без изучения нового фактора огромной важности — христианства³¹. Крайне преувеличивая историческое значение возникновения христианской религии, К. Н. Успенский рассматривает появление христианства как огромный поворот в религиозном сознании античного мира, в своем развитии сыгравший определяющую созидательную роль во всей дальнейшей истории Европы. В вопросе о происхождении христианства К. Н. Успенский отказывается, однако, от конфессиональной точки зрения и подвергает сомнению реальное историческое существование основателей религий, в том числе и основателя христианства, ибо «мы имеем дело не с подлинными следами их деятельности, а с позднейшими и весьма сложными литературными созданиями и вариациями на философские и нравственные темы. Любой из них как личность реальная настолько закрыт систематическим символично-поэтическим и церковно-устроительным творчеством, что мы не можем сказать о нем как человеке, жившем в такую-то эпоху, почти ни одного слова...»³². Поэтому, справедливо утверждает автор, надо полностью отказаться от богословско-биографической трактовки происхождения хри-

²⁶ Там же, стр. 173.

²⁷ Там же, стр. 174—175.

²⁸ Там же, стр. 40—41.

²⁹ Подобная модернизация в терминологии свойственна всем работам К. Н. Успенского, особенно его «Очеркам», где он употребляет в приложении к Римской империи термины: империализм, пролетариат (стр. 13), индустриальные элементы, промышленность (стр. 39), государственные рабочие (стр. 40 и 77) и др. Модернизация в терминологии в той или иной степени присуща и другим буржуазным ученым того времени.

³⁰ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 40—41.

³¹ Там же, стр. 42.

³² Там же, стр. 43.

стианства и перенести центр тяжести на изучение христианства как синкретической религии, «т. е. видеть в нем взаимопроникновение и смешение религиозных верований и представлений различных стран и культур, входивших в состав Римской империи...»³³.

Критикуя стремление некоторых ученых дать полный перечень причин возникновения христианства, Успенский, поддаваясь и в этом вопросе влиянию философской концепции Маха и Авенариуса, хочет показать всю бесплодность попыток доискаться причин появления христианства, ибо многие факторы, выдвигаемые в качестве причин, на самом деле при ближайшем рассмотрении оказываются различными сторонами самого же христианства, «только вытянутыми в перспективу». «В значительной мере причинами, предварительными условиями выступают здесь явления, входящие в состав сложного момента, который желательно объяснить»³⁴. Однако, как бы забывая декларированные им положения, автор вскоре сам обращается к выяснению условий появления христианства.

Из множества причин возникновения христианства, высказанных в современной ему науке, К. Н. Успенский выделяет лишь ряд условий, создавших предпосылки для появления христианства как синкретической религии. Из них на первое место он ставит «эллинистическое культурное объединение средиземноморских стран и римское политическое объединение их в единую империю»³⁵. «Христианский универсализм должен был иметь несомненный успех при тех объединительных стремлениях, которые одушевляли римский мир»³⁶.

Исчезновение политических перегородок внутри империи, стирание этнических различий, единство языка, удобство сообщения и общительность, характерные для античного мира, создавали условия для распространения идеи единобожия. «Римская империя была или хотела быть вселенской. Римский гражданин сознавал себя гражданином мира». Вместе с падением национальной обособленности падало и значение национальных религий. «Вместо греческого Зевса, римского Юпитера, египетской Исиды всемирному гражданину нужен был просто бог»³⁷.

Наряду с политическими условиями возникновения христианства, автор выдвигает и чисто религиозно-этические: 1) разложение идеи многобожия в греческой религии и одухотворение этой религии орфизмом подготовляло ее сближение с христианством; 2) римская религия, не знавшая отчетливого многобожия, по своей природе тяготела к единобожию, а культ императора предвосхищал учение о богочеловеке; 3) восточные религиозные течения — иудаизм, культ Митры Непобедимого, Великой Матери Идейской, Исиды, Ма Каппадокийской — с их культами воскресающего и умирающего бога также вошли важной составной частью в христианскую религию. Неоплатонизм с его учением о Логосе и бессмертии души придал своеобразную философско-этическую окраску христианскому учению.

Правильно характеризуя синкретизм христианской религии, К. Н. Успенский вместе с тем подчеркивает, что своими корнями христианство всецело уходит в античный мир: он представляет христианство «совсем не в виде извне налетевшей, чуждой и неожиданной античному миру волны, а, наоборот, как воссоединение, одухотворение и выяснение тех смутных, робких и незаконченных религиозно-нравственных запросов, стремлений

³³ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 43.

³⁴ Там же, стр. 44.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 47.

³⁷ Там же.

и настроений, которые бродили в умах и сердцах языческого общества, пережившего свое язычество»³⁸. Справедливо отметив, что христианство родилось и развилось в недрах античного мира, К. Н. Успенский в своем анализе происхождения христианства не доходит, однако, до понимания социальных причин, породивших христианскую религию, умозрительно отрывает его от той социальной среды, которая его родила и вскормила. В этом отношении он делает шаг назад даже по сравнению с некоторыми представителями русской буржуазной медиевистики конца XIX в., например П. Г. Виноградовым, который признавал, что христианство было порождено общественными условиями разлагавшейся Римской империи, было своего рода идеологическим выходом для античного мира, запутавшегося в противоречиях³⁹. В отличие от того же П. Г. Виноградова, признававшего народные массы вплоть до III в. главными носителями христианства⁴⁰, К. Н. Успенский всячески стремится «аристократизировать» христианскую религию, боясь отдать христианство «черни», «простонародью». По его утверждению, уже во II в. «христианство перестало быть достоянием исключительно простолюдинов», а привлекло к себе интеллигенцию и знать⁴¹. Проследившая образование и эволюцию христианской церкви, К. Н. Успенский всячески затемняет ее социальные функции по отношению к народным массам, рассматривает этот вопрос лишь в плане взаимоотношений церкви и государства. По его мнению, «грандиозная уния церкви и государства» имела отрицательные последствия для христианской церкви, приведя к ее подчинению государственной власти, обмирщению, превращению в одну из «служебных сил земного мира»; однако этот компромисс, приведший по существу к «профанации религии», был подготовлен (как и само зарождение христианства) предшествующим развитием, эволюцией епископата, понижением его нравственного уровня, появлением ересей⁴².

Вместе с тем «великий союз государства и церкви» и «грандиознейшая реформа Константина», превратившая христианство в государственную религию, «не дала и с а м о й и м п е р и и (разрядка автора. — З. У.) того спасительного обновления, от которого она заиграла бы живыми творческими силами»⁴³. Процесс политического раздробления, поворота экономической жизни к упрощенным формам не был приостановлен примирением государства и церкви.

В чем же состояли причины упадка империи? Был ли этот упадок столь глубоким и всеобъемлющим, как его рисуют многие историки?

Поставив первый вопрос, К. Н. Успенский, придерживаясь философской системы махизма, снова декларирует отказ от попыток объяснить причины упадка Римской империи. Обрушиваясь на тех ученых, которые, подобно Э. Мейеру и М. Веберу, выводят упадок империи из целого комплекса причин, К. Н. Успенский объявляет их теории «голой и пустой схемой». Не поиски причин, а изучение фактов — вот ключ к пониманию того, как Римская империя превратилась в Византийскую⁴⁴.

³⁸ Там же.

³⁹ П. Г. Виноградов. История Римской империи. Курс лекций (Высшие женские курсы). М., 1884—1885, стр. 249.

⁴⁰ Там же, стр. 218.

⁴¹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 50.

⁴² Там же, стр. 59.

⁴³ Там же, стр. 61.

⁴⁴ Там же, стр. 67. Развивая эту мысль, автор утверждает, что фактическое исчезновение в империи единой императорской власти — результат фактического варварского завоевания; отнюдь не надо искать причин варварских вторжений, а следует лишь изучать фактические взаимоотношения Рима и варваров (там же, стр. 67—77).

Более того, К. Н. Успенский ставит под сомнение и самый тезис об «упадке», «кризисе» Римской империи, полагая, что в трудах многих ученых этот упадок неправомерно преувеличен, краски при его описании слишком сгущены⁴⁵. Ведь нельзя, по его мнению, сбрасывать со счетов такие прогрессивные явления, как сложение христианства, совершенствование администрации и др. При столь мрачной картине упадка становится, кроме того, совершенно непонятным сохранение и последующее процветание такого «живого трупа», как Восточная империя — Византия. Вряд ли можно признать эти аргументы К. Н. Успенского вполне убедительными и согласиться с его отрицанием кризиса империи в IV—V вв. Вместе с тем необходимо признать, что в трактовке этого вопроса автор выдвигает очень разумную и весьма плодотворную мысль о неправомерности тезиса о всеобщем упадке всей Римской империи в эту эпоху.

К. Н. Успенский справедливо подчеркивает, что империя никогда не была единым, цельным организмом ни в хозяйственном, ни в социальном, ни даже в политическом отношении. Поэтому можно говорить не о каком-то едином, общем упадке империи, а лишь о частных изменениях в экономическом и политическом состоянии отдельных областей. Пролагая путь локальным исследованиям отдельных частей империи, К. Н. Успенский указывает на то, что по разным причинам различные области империи переживают то периоды подъема, то упадка, например, в то время как Запад в IV—V в. быстрыми шагами шел к более простым формам жизни и его хозяйство становилось натуральным, Восток сохранял свои позиции культурного и экономического центра и почти не был охвачен упадком, а продолжал развиваться⁴⁶.

Считая правильным призыв К. Н. Успенского к изучению особенностей развития отдельных областей империи, мы все же не можем согласиться с его отрицанием того факта, что и Восток был захвачен кризисом рабовладельческой системы и вследствие этого, хотя и в меньшей степени, чем Запад, тоже переживал упадок.

При рассмотрении различия исторических судеб Западной и Восточной империи К. Н. Успенский подходит, наконец, вплотную к центральному вопросу своей социологической и исторической концепции — к вопросу о феодализме.

Как же понимает автор сущность феодализма, как объясняет его происхождение?

Изучение как исследовательских работ, так и лекционных курсов К. Н. Успенского показывает, что он, подобно другим представителям русской либеральной школы медиевистики (П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский и др.), признает, что «подпочвой» феодализма являлись глубинные экономические процессы — натурализация хозяйства, рост крупного экзимирированного землевладения⁴⁷ и закрепощение сельского населения⁴⁸.

В курсе лекций по истории древней Греции К. Н. Успенский так формулирует свое понимание процесса феодализации: «В хозяйственной жиз-

⁴⁵ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 65.

⁴⁶ Там же, стр. 66. В своих лекциях по истории древней Греции К. Н. Успенский в соответствии с этой своей точкой зрения указывает, что «античный мир не есть нечто цельное, однообразное и неподвижное. Его история распадается на целый ряд обществ, из которых каждое проходило различные ступени экономического и социального развития. Поэтому прежде всего не представляется возможности огулом говорить о древнем мире как о фазисе в хозяйственном развитии проблематического человечества» (Курс лекций по истории древней Греции, стр. 42).

⁴⁷ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 98.

⁴⁸ Там же, стр. 37; ср. стр. 66.

ни — поворот к преобладанию натурального хозяйства и сосредоточение центра тяжести ее на землевладении и земледелии; в социальной области — резкое противоположение землевладельцев и земледельцев; в политической области — государственное распадение, дробление государственной территории и расход государственной власти по частным сильным рукам, замена общего закона частноиндивидуальным договором в сфере людских отношений, замена отношений подданства и гражданства отношениями личной зависимости»⁴⁹.

Однако для К. Н. Успенского, как и для почти всех буржуазных медиевистов, феодализм — это прежде всего политическое явление — *раздробление единого государства, распадение его на замкнутые хозяйственные и политические мирки, рассеяние государственного суверенитета между представителями власти на местах*⁵⁰. Процесс феодализации Римской империи, по К. Н. Успенскому, и состоял прежде всего в ее распаде на независимые княжества крупных земельных магнатов⁵¹. Не принимая феодализм как систему определенных производственных отношений, Успенский далек и от понимания прогрессивности феодализма как важной ступени развития человеческого общества. Более того, для него феодализм — это регресс, возврат к старым, более отсталым формам общественной жизни. Упадок государственной централизации и развитие феодализма в Восточной Римской империи в IV—VI вв. привели к тому, что «вся хозяйственная и иная культурная энергия в обществе была убита, и оно, естественно, двигалось назад, в стадию натурального хозяйства»⁵². По мнению автора, «...прорастание феодализующих процессов еще в глубине Римской империи становится естественной реакцией, необходимым рецидивом одичания». При этом римляне здесь играют роль своего рода варваров по сравнению с «внешнеподчиняемыми» древнекультурными восточными странами⁵³.

Как же ставит и разрешает К. Н. Успенский вопрос о причинах и времени возникновения феодализма? Этот вопрос является важным звеном в его общей концепции и тесно связан с идеалистическими социологическими и философскими взглядами автора. Стремясь подчеркнуть плавный, эволюционный характер исторического процесса, К. Н. Успенский не признает, что рождение нового феодального общества было связано с какими-либо крупными политическими и социальными катаклизмами, «поворотами» и «революциями». Вслед за П. Г. Виноградовым и другими буржуазными медиевистами К. Н. Успенский решительно отрицает революционный характер перехода от рабовладения к феодализму. Для этого, как известно, П. Г. Виноградов переносил рубеж, отделяющий античность от средневековья, с бурного V века крушения империи в III в., а другие исследователи в VII—VIII вв. К. Н. Успенский вообще стремится стереть эту грань и всячески затушевать крупнейшие перемены, происшедшие в империи в IV—V вв.

В этом отношении он идет даже дальше П. Г. Виноградова, Ф. И. Успенского и других буржуазных медиевистов и по существу провозглашает вслед за Э. Мейером, Брестедом и Виппером *извечность феодализма на Востоке*. Если для Западной Римской империи К. Н. Успенский в какой-то степени допускает поворот к элементарным

⁴⁹ К. Н. Успенский. Курс лекций по истории древней Греции, стр. 66—67.

⁵⁰ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 8—9; ср. стр. 110, 145, 198.

⁵¹ Там же, стр. 29.

⁵² Там же, стр. 103; ср. стр. 66.

⁵³ Там же, стр. 23.

формам жизни в период феодализации, а варварам-германцам отводит роль активного фактора, вносящего «решительные перемены» в строй западных государств, то для Востока он не допускает никакой прерывности исторического процесса⁵⁴.

По утверждению К. Н. Успенского, на Востоке феодализирующие процессы (появление княжеств-сальтусов, закрепощение населения) — это *отнюдь не переход к новой общественной формации*, а возобновление старинных, доримских форм жизни. Поэтому-то Восток и не был захвачен тем упадком, который переживал Запад, именно поэтому «там шли и развивались свои процессы, явившиеся продолжением старой эллинистической жизни»⁵⁵.

Теория извечности феодализма с особенной ясностью была сформулирована К. Н. Успенским в его лекциях по истории древней Греции. Постулируя сильное воздействие восточных форм жизни на Грецию, автор широко применяет термин «гомеровский феодализм», называя гомеровскую эпоху эпохой феодальной, причем подчеркивает, что делает это не нечаянно, не метафорически, а вполне сознательно. Автор считает вполне правомерным применение понятия феодализма к любой этнической группе и в любое историческое время. «Если представлять феодализм как необходимую стадию общественного развития, через которую проходит каждая общественная группа, было бы, пожалуй, увлечением, то во всяком случае его уже смело и бесповоротно можно не считать явлением специфически средневековым и западно-юпийским»⁵⁶.

Условиями для повсеместного возникновения феодализма К. Н. Успенский считает «слабость культуры, еще недоразвившейся и оттягивающейся в варварство или переразвившейся, т. е. разлагающейся и возвращающейся к дикости. Феодализм развивается, когда при ненадежности или дряблости культуры в социальной группе слишком вяло действуют хозяйственность и общественность. При таких условиях большие социально-политические тела или не могут образоваться, или рыхлеют и рассыпаются. Могут держаться лишь малые местные организмы, жизнь которых фиксируется в тесном пространстве»⁵⁷. Все признаки феодализации уже налицо, по мнению автора, в гомеровской Греции: 1) царская власть (власть басилевса) в упадке, она тускла, одностороння, малоавторитетна, едва ли нужна населению⁵⁸; 2) в это время возникают вассальные отношения, «союзы верности и дружбы» между басилевсом и его дружиной; «одни и те же условия: политическое раздробление, распределение государственной власти среди частных, сильных людей, приводили к тождественному результату — к замене отношений подданства и гражданства отношениями личного договора и личной зависимости»⁵⁹; 3) в хозяйственной жизни видны натурализация хозяйства⁶⁰, преобладание земледелия, появление земельной аристократии, причем «основу материальной силы и господства

⁵⁴ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 66. Кстати сказать, именно для отрицания «поворота» в истории Восточной империи при переходе от рабовладения к феодализму К. Н. Успенскому понадобилось принизить роль славян (в противовес германцам) как активного и важного фактора перестройки общественной жизни Восточной Римской империи (там же, стр. 6, 143, 151—153, 159, 161—162, см. ниже).

⁵⁵ Там же, стр. 66.

⁵⁶ К. Н. Успенский. Курс лекций по истории древней Греции ч. I стр. 66.

⁵⁷ Там же, стр. 67.

⁵⁸ Там же, стр. 72.

⁵⁹ Там же, стр. 78.

⁶⁰ Там же, стр. 98—102.

такой аристократии составляет земля как средство, обеспечивающее потребление замкнуто хозяйствующих групп»⁶¹. Ойкос крупного землевладельца гомеровской эпохи — это «чисто феодальный организм, типичная сеньория с замком и доменом сеньора, с вассальным окружением, с министериалами во дворе и массой вилланов на их цензивах»⁶²; «простые свободные люди, вся масса гомеровского населения владела своими клерами только условно»⁶³, вследствие этого К. Н. Успенский рисует положение земледельческой массы гомеровской Греции «в формах, близких к крепостничеству»⁶⁴. К. Н. Успенский представляет себе иерархическую структуру земельной собственности гомеровской Греции в следующем виде: «Перед нами и полные собственники — владыки целых стран, являющиеся как бы государями в своих землях, и крупные благородные держатели, верные друзья и сопровитатели главного вождя, наконец, простые смертные — земледельцы, подданные верховного властелина земли, повинные ему даями и оброками»⁶⁵.

Вывод автора вполне безоговорочен и красноречив. Оценивая гомеровскую Грецию, он пишет: «Перед нами типичный процесс феодализации с ясно выразившимися своими господствующими течениями»⁶⁶.

Лишь с VIII в., с периода колонизации, передовые области Греции, по мнению автора, переживают «знаменательный переворот (!), заключающийся в переходе от феодальных форм жизни и замкнутонаaturalного хозяйства к государственному быту и хозяйству меновому и денежному»⁶⁷.

Эти изменения в дальнейшем выразились также «в переходе от быта феодальных сеньорий — поместий государств — к строю городских общин, городов-государств, в исчезновении старой царской власти, переливающейся сначала в политическое господство аристократии»⁶⁸.

Признание К. Н. Успенским, вслед за Э. Мейером, феодализма в гомеровской Греции и перенесение феодальных отношений на самые отдаленные эпохи, иными словами, проведение теории извечности феодализма, направленной по существу против марксистского учения о смене социально-экономических формаций, проливает свет и на его концепцию падения Римской империи и становления Восточной — Византийской — империи. В Восточной империи переход к феодализму — это возврат к исконным восточным формам жизни, к натурализации хозяйства, преобладанию деревни над городом. Отсюда понятно, почему город, сыгравший столь важную роль в истории Византии, фактически совершенно выпадает из социологической схемы К. Н. Успенского и нужен ему лишь как пример разложения полисного строя в империи, знаменующего переход к земледельческому натуральному хозяйству⁶⁹.

Вопрос о феодализме является центральным в трудах К. Н. Успенского и, в частности, в его трактовке периода правления императора Юстиниана. В изображении автора правление Юстиниана — это время острого напряжения борьбы «централизующей» государственности в лице императора с носителем децентрализованных феодализующих тенденций —

⁶¹ Там же, стр. 91.

⁶² Там же, стр. 95.

⁶³ Там же, стр. 96.

⁶⁴ Там же, стр. 97.

⁶⁵ Там же, стр. 98.

⁶⁶ Там же, стр. 115.

⁶⁷ Там же, стр. 117.

⁶⁸ Там же, ч. II, стр. 17.

⁶⁹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 40—41.

*сенаторским сословием*⁷⁰. Эта борьба не являлась чем-то новым, а началась в империи еще в IV в. Императорское законодательство, лицемерно прикрываясь заботой о «благае мелкоты», выступало против роста крупной земельной собственности, заботясь прежде всего о сохранении казенных и императорских имуществ. «Под маской защиты мелкой и казенной собственности от незаконных захватов посредством наложения титулов со стороны крупных землевладельцев законодательством Юстиниана принят был поход против расширения магнатского землевладения»⁷¹.

Одним из важнейших результатов этого «похода» было расширение казенного и императорского землевладения за счет крупного, частного; при этом императорское правительство широко использует различные незаконные средства: вынужденные завещания, дарения и, наконец, конфискации земель сенаторов, подвергшихся обвинениям в политических преступлениях⁷².

Чрезвычайно преувеличивая размеры и мощь senatorского землевладения, ошибочно приписывая уже отживающему senatorскому сословию огромное политическое влияние в стране, К. Н. Успенский доходит, например, до полного отрицания социального характера восстания Ника, рисуя его исключительно senatorской «революцией», давшей основание для «великого царского террора», обрушившегося после неудачи восстания на senatorские круги. Автор даже соглашается с домислами Прокопия, что восстание Ника якобы было спровоцировано самим правительством Юстиниана с целью расправы с senatorским сословием⁷³.

Но основной ошибкой К. Н. Успенского является то, что он не хочет видеть в senatorском сословии представителей старого, отживающего рабовладельческого мира, а приписывает ему роль новой, феодальной знати — носителя феодализирующих, децентрализованных тенденций⁷⁴. Он не пытается расчленить землевладельческую знать на отдельные группировки, отделить старую аристократию от действительных носителей феодализационных процессов, игнорирует использование рабского труда в доменах старой аристократии, распространяет на всю землевладельческую знать единое понятие — *сенаторская аристократия*. Членение внутри землевладельческой знати идет у К. Н. Успенского не по признаку того, носителями какого способа производства являлись те или иные группировки, а лишь по линии разделения светского и церковного землевладения⁷⁵. Причем, как выясняется, и senatorское сословие, и представители церковно-монастырского землевладения являются носителями феодализации.

Крайне преувеличивая масштабы развития феодализма в Восточной Римской империи VI в., К. Н. Успенский считает, что в этот период феодализирующие течения уже глубоко и прочно проникли в общественную жизнь, а крупное землевладение как экономическая опора расчленения, стало надежно возобладовавшей хозяйственной формой. Это привело к тому,

⁷⁰ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 92.

⁷¹ Там же, стр. 94. Правление Юстиниана и его борьба против senatorской аристократии рассматриваются К. Н. Успенским в его статье «Юстиниан и крупное землевладение senatorской знати».

⁷² К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 96—97; е го же. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 16—17.

⁷³ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 97; е го же. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 17.

⁷⁴ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 98; е го же. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 18.

⁷⁵ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 98; е го же. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 18.

что победа Юстиниана над сенаторской аристократией хотя и окончательно подорвала экономическую основу политической власти сенаторского сословия⁷⁶, все же не означала полного торжества «централизующей государственности»⁷⁷. Само государство нуждалось в поддержке крупного землевладения; после выступления Юстиниана против сенаторов крупное землевладение как хозяйственная форма осталось. «Только оно стало передвигаться на иной социальный состав носителей, оно начало переходить в иные руки, казавшиеся правительству пока более покорными и верными. То были церкви и, главное, монастыри»⁷⁸.

Не приводя каких-либо убедительных доказательств из источников, К. Н. Успенский декларирует, что правление Юстиниана было «золотым веком» церковно-монастырского землевладения, периодом расцвета монастырей и монашества. И хотя рост экзимирированного церковно-монастырского землевладения представлял серьезную опасность для самого государства, правительство Юстиниана в пылу борьбы с сенаторским землевладением пошло на этот риск, причем решающую роль здесь сыграла не личная вражда «высочки» Юстиниана к сенаторам, а существенные политические и материальные интересы. Здесь проявляются «первые признаки складывающегося антагонизма между духовенством и частью светского общества на почве имущественных интересов, причем правительство считает для себя выгодным склониться на сторону первого»⁷⁹, т. е. монастырей.

Таким образом, К. Н. Успенский приходит к выводу, что время правления Юстиниана — это период бурной борьбы между двумя силами: церковно-бюрократическим императорским правительством, с одной стороны, и сенаторской знатью, опиравшейся на свое автономное, крупное землевладение, с другой⁸⁰.

Натиск Юстиниана на старую сенаторскую аристократию имел успех, сенаторские княжества-вотчины стали дробиться, а сами сенаторы так и не смогли оправиться от царского террора⁸¹. Однако одна сила, тянувшая к феодализации, заменяется другой, еще в большей степени способствующей феодализации империи, — место сенаторской знати занимает крупное монастырское и церковное землевладение, также строившееся по типу автономных салтусов.

Невольно встает вопрос, почему же государство, носитель централизации, борется против феодализации, опираясь фактически тоже на носителей феодализации? Почему против представителей феодализационных течений не выступает старая рабовладельческая знать? Ответ на эти вопросы можно искать лишь в теории «извечности» феодализма, при допущении которой не остается места для рабовладения и рабовладельческого класса в Византии VI в., сбрасывается со счетов борьба нового со старым, гибнущего рабовладельческого строя с нарождающимся феодальным.

Поскольку развитие феодализационных процессов в империи зашло уже так далеко, К. Н. Успенский считает, что, несмотря на победу над сенаторами, реформы Юстиниана как в административной, так и в финансовой сфере были обречены на неудачу. В области административного управления реформы Юстиниана, направленные к централизации, потерпели

⁷⁶ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 101.

⁷⁷ Там же, стр. 98; е го же Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 18.

⁷⁸ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 98.

⁷⁹ Там же, стр. 100.

⁸⁰ Там же, стр. 98.

⁸¹ Там же, стр. 101. Автор правильно подчеркивает разницу между сенаторами-князьями VI в. и властелями X в., но не вскрывает сущности этого различия.

крах из-за того, что сам государственный аппарат, особенно в провинциях, уже феодализировался: государственные чиновники, присвоившие ряд административных и судебных функций, превратились в самостоятельных господ в своих областях⁸². Феодализация проникла и в другие сферы общественной жизни: с ней был связан упадок курий⁸³ и особенно коренная перестройка армии, выразившаяся в ее варваризации, в наделении солдат землей, в замене государственного войска (легионов) частными дружинами вождей, в разрыве личной связи императора с армией. По мнению Успенского, не подкрепленному, однако, данными источников⁸⁴, крах завоевательной политики Юстиниана был вызван тем, что в его правление империя уже якобы не имела своих военных сил, «она ведет борьбу и защищается посредством организаций, устроенных на чисто феодальных началах»⁸⁵.

Исходя из ошибочного тезиса о том, что феодализация равнозначна децентрализации — основе основ экономического, политического и социального упадка империи, К. Н. Успенский все бедствия, постигшие византийское государство в конце правления Юстиниана и при его преемниках, объясняет тем, что в обществе помутнела идея государственности и императорская власть, единственная носительница этой идеи, не могла руководить обществом, распавшимся на мелкие мирки, феодализированные группы⁸⁶.

В оценке правления Юстиниана особенно отчетливо выявляется идеалистическое понимание К. Н. Успенским самой государственной власти в Византии. Как и у многих других буржуазных ученых, государство для К. Н. Успенского — некая надклассовая, отвлеченная сила, почти абстрактно-юридическое понятие, хотя сам автор, как мы видели выше, высмеивает ученых, оперирующих абстрактно-социологическими, а не конкретно-историческими категориями. Государство как надклассовая сила, носитель централизации, великого политического единства, все время противопоставляется у К. Н. Успенского разлагающемуся феодализующемуся обществу. В упадке империи отнюдь не виновна государственная власть: «не злая воля» Юстиниана, как думал Прокопий, привела Византию на край гибели, а само общество, измученное, бедневшее, терявшее органические связи с государством, разбивавшееся на замкнутые местные группы⁸⁷. Автор даже оправдывает тот факт, что государство «невольно» (?) пошло по пути закрепощения и насилия, поскольку в обществе не нашлось сил, которые оказались бы в состоянии сознательно и охотно поддержать великое государство или столь же сознательно и бескорыстно принять на себя роль руководящего слоя⁸⁸. В оценке характера императорской власти, личности самого Юстиниана и его государственной деятельности К. Н. Успенский отказывается от традиционной схемы, господствующей в научной литературе его времени. Он совершенно справедливо восстает против преувеличения роли личности Юстиниана и считает господствующий взгляд на этого императора, приписывающий ему роль основного творца всех дел и вершителя всех судеб, «неестественным и мертвенным», так как в нем нет места «обществу Римской империи VI в., с его группировками, движениями и борьбой различных его ча-

⁸² К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 110.

⁸³ Там же, стр. 120.

⁸⁴ Кроме традиционной ссылки на дружину Велисария.

⁸⁵ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 127.

⁸⁶ Там же, стр. 110.

⁸⁷ Там же, стр. 123.

⁸⁸ Там же, стр. 125.

стей, отражением или выражением которых и могла лишь быть правительственная деятельность даже самого выдающегося государя»⁸⁹. Однако, к сожалению, как мы видели, всю борьбу в византийском обществе VI в. К. Н. Успенский сводит лишь к столкновению государства в союзе с церковно-монастырскими кругами с сенаторской аристократией, совершенно оставляя в стороне классовую борьбу в империи того времени. Да и декларируемый им отказ от идеализации личности Юстиниана на деле осуществляется весьма непоследовательно, и оценка Юстиниана в конечном счете противоречива. С одной стороны, следуя своей концепции об «извечности» феодализма на Востоке, К. Н. Успенский полагает, что борьба Юстиниана против «сенаторского феодализма» не является чем-то принципиально новым, а лишь продолжает политику империй IV—V вв.; поэтому он полагает, что в деятельности Юстиниана преобладали консервативные черты и его правление не может быть признано «крупным переломом», «яркой эпохой» и не является ни концом старого, ни началом нового, оно лишь продолжение развития старых феодализирующих течений и «дальнейшее потускнение и расползание государственности»⁹⁰.

С другой стороны, К. Н. Успенский восхваляет Юстиниана за создание теории священной власти императора, равного апостолам, за проведение им и объединение в единую доктрину⁹¹ римской «идеи всемирной монархии и христианской идеи царства Божьего»⁹².

Именно «такое римско-христианское построение власти», по мнению автора, «вдохнуло в деятельность Юстиниана широкую инициативу, сделало его волю притягательным и всенаправляющим центром, благодаря чему его царствование достигло значительных результатов»⁹³.

Весьма характерным для общего резко отрицательного отношения К. Н. Успенского к классовой борьбе народных масс является то, что он восхваляет Юстиниана за подавление народных движений в империи VI в. Для К. Н. Успенского народные восстания в Константинополе при Юстиниане не что иное, как «волнения распутившегося, легко возбуждавшегося населения огромного города»⁹⁴. Признавая упадок империи в VI в., К. Н. Успенский одним из основных результатов «помутнения государственности» считает «мятежи обнищавших масс»⁹⁵, рост народного «неудовольствия и смут». Автор считает, что важнейшей целью административных реформ Юстиниана было подавление «опасных элементов неудовольствия и смуты»⁹⁶, борьба с разбоями, кровавыми распрями в провинциях⁹⁷. Фактический провал административных реформ и централистской политики Юстиниана привел к дальнейшему обострению смут и возникновению новых мятежей, в которых часто принимали участие и «дикие банды» феодальных дружин военных вождей⁹⁸.

Вся история Восточной Римской империи при ближайших преемниках Юстиниана в конце VI—VII в. рисуется К. Н. Успенским как мрачная картина дальнейшего упадка и разложения. Императорская власть «становится все менее авторитетной и нужной в жизни империи», император

⁸⁹ Там же, стр. 87—88; е г о ж е. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 7.

⁹⁰ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 125—126.

⁹¹ Там же, стр. 85; е г о ж е. Курс лекций по истории Византийской империи, 1912/13 уч. год, стр. 126, 1914/15 уч. год, стр. 140.

⁹² К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 85.

⁹³ Там же, стр. 86.

⁹⁴ Там же; е г о ж е. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 8.

⁹⁵ К. Успенский. Очерки..., стр. 86.

⁹⁶ Там же. Ср. стр. 126.

⁹⁷ Там же, стр. 104.

⁹⁸ Там же, стр. 127.

обожещается, все больше растет несоответствие между государством (опять-таки как надклассовой силой) и состоянием феодализирующегося общества⁹⁹. Вселенско-претенциозная власть государей становится анахронизмом, дисгармоничной надстройкой над общим укладом жизни, утратившей с ним органические связи¹⁰⁰. Преемники Юстиниана, ставленники новой дворцовой аристократии, пришедшей на смену сенаторской знати, ведут себя, в отличие от своего предшественника, не как государи единого государства, а как феодальные правители. Их политическое сознание «феодализируется», они даже пытаются делить государство между наследниками, как свое личное достояние, подобно Меровингам на Западе¹⁰¹. Рядом с «потускнением и распылением» центральной власти в обществе все сильнее развиваются «деморализующие и диссоциирующие процессы, ослабевают связи провинций с центром и между собой, возникают экзархаты в Италии и Северной Африке, наступает «бесповоротная нецельность империи»¹⁰².

Тенденции разъединения как выражение и развитие давних феодализационных процессов приняли в VII в. форму организации фем. В вопросе о фемном устройстве империи К. Н. Успенский исходит из своих общих социологических идей: 1) идеи о *непрерывности развития всех политических институтов*, особенно на Востоке; 2) идеи феодализации как процесса, по существу единого для Запада и Востока, но имеющего на Востоке свои особенности. Следуя первой идее, К. Н. Успенский со всей определенностью подчеркивает, что введение фемного строя было результатом не отдельной правительственной реформы, а *длительного развития*, происходившего иногда и без прямого вмешательства центральной власти¹⁰³, хотя и имевшего своей целью прежде всего удовлетворение военных нужд государства. Такой основной, по мнению К. Н. Успенского, признак фемного строя, как наделение стратиотов землей за несение военной службы, является также лишь *развитием типичной для Востока системы организации военной службы на основе пожалования воинам наделов земли*¹⁰⁴. Колонизация славян и армян отнюдь не способствовала самому созданию этой системы, а лишь увеличила контингент лиц, которым правительство раздавало пустующие земли за несение военной службы¹⁰⁵.

Вторая идея, проводимая К. Н. Успенским в применении к вопросу об организации фем, это утверждение об *общности фемного строя как яркого выражения процесса феодализации* и военно-административной организации Византийской и Каролингской империй¹⁰⁶. И там и тут введение военно-бенефициальной системы и фемного строя были не попытками «национализации» военных сил, а способом их приспособления к успехам феодализации. Подобно западным баронам и герцогам, стратеги фем в Византии были связаны с центральной властью не государственной службой, а лишь узами вассальных отношений. И там и тут в военно-землевладельческое сословие входили как «землевладельческая мелкота», так и магнаты-динаты — на Востоке, герцоги и бароны — на Западе;

⁹⁹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 134.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, стр. 143. Автор приводит в качестве примера попытки чисто феодального раздела империи завещание императора Маврикия.

¹⁰² Там же, стр. 135—143. Интересно, что Армения VI—VII вв. изображается К. Н. Успенским как чисто феодальная страна.

¹⁰³ Там же, стр. 148.

¹⁰⁴ Там же, стр. 151. Полного развития, однако, система военноземледельческих поселений, по К. Н. Успенскому, достигла лишь в X в.

¹⁰⁵ Там же, стр. 151—152.

¹⁰⁶ Там же, стр. 144—145.

и там и тут основная масса военных поселенцев были выходцами из крестьян, но, в отличие от Запада, императорская власть на Востоке, по мнению К. Н. Успенского, начиная с VII в. не перестает сосредоточивать свое внимание на устройстве крестьянского сословия, ибо ей крайне необходимо сохранить этот класс населения как основного плательщика налогов и пополнений армии¹⁰⁷.

Переходя к вопросу о положении крестьянства в Византийской империи VII—VIII вв., К. Н. Успенский опять с большой настойчивостью и прямолинейностью проводит свои общие методологические концепции, прежде всего идею «эволюционизма», отрицания каких-либо коренных сдвигов, перемен в истории Византии. Этой основной идее подчинена у него трактовка вопроса не только о положении византийского крестьянства, но и тесно связанная с этой темой проблема с л а в я н с к о й к о л о н и з а ц и и. К. Н. Успенский начисто отрицает существование коренного переворота, «пропасти», как он выражается, между крепостным (колонатным) состоянием римских колоннов IV—V вв. и положением свободного византийского крестьянства VII—VIII вв., объединенного в общины. Именно для подкрепления теории плавного непрерывного развития и понадобилось К. Н. Успенскому вслед за Б. А. Панченко объявить поход против славянской колонизации, которая, по его мнению, неправомерно рассматривалась в науке как источник крупных перемен, повлекших за собой коренные изменения в общественном строе Византии¹⁰⁸.

К. Н. Успенский решительным образом выступил против господствовавшей в его время теории Цахариз фон Лингенталя — В. Г. Васильевского о привнесении славянами общины в Византию и о воздействии общинных отношений славян на весь социальный строй империи¹⁰⁹. К. Н. Успенский прямо утверждал, что вопрос о положении земледельческого класса в Византии является «фальшиво освещенным, особенно в работах наших византологов, главным образом им и занимавшихся»¹¹⁰. Свое «опровержение» теории Лингенталя — Васильевского К. Н. Успенский, естественно, начал с отрицания значительности масштабов славянской иммиграции в Византию, утверждая, что размеры славянских поселений были якобы крайне преувеличены в русской науке¹¹¹.

Не без влияния немецкой и греческой националистической историографии (Гопф, Герцберг, Папаригопуло и др.), К. Н. Успенский (как, впрочем, и А. А. Васильев и Ю. Кулаковский) пытается пересмотреть данные византийских источников (Прокопия, Иоанна Эфесского, Евагрия, Исидора Севильского, «Бревиария» Никифора, хроники Феофана, трудов Константина Багрянородного и др.)¹¹² с целью доказать, что славян в Греции «оказалось слишком мало, чтобы они сделались здесь господствующей этнографической силой»¹¹³. Совершенно правильно заявив, что в вековом споре о масштабах славянской колонизации Византии «истина лежит посередине»¹¹⁴ и надо воздерживаться от крайностей, сам автор волей-неволей в угоду своей общей концепции все же склоняется на сторону тех ученых, которые явно преуменьшали размеры славянской иммиграции. Он полагает, что никоим образом нельзя говорить о заселении значительной территории империи славянами, а тем самым и о привнесении ими нового

¹⁰⁷ Там же, стр. 152.

¹⁰⁸ Там же, стр. 153—154.

¹⁰⁹ Там же, стр. 158.

¹¹⁰ Там же, стр. 153.

¹¹¹ Там же, стр. 154.

¹¹² Там же, стр. 158—161.

¹¹³ Там же, стр. 161.

¹¹⁴ Там же, стр. 158.

уклада. По мнению автора, «самое переселение славян в пределы империи едва ли было настолько значительно, чтобы славянство могло стать одним из видных этнических элементов ее»¹¹⁵. Можно высказать предположение, что «поход против славян», начатый К. Н. Успенским, был связан также с его «западническими» взглядами — в противовес «славянофильству» некоторых русских буржуазных византинистов.

Второй тезис, который выдвигает К. Н. Успенский для отрицания правоты теории Лингенталя — Васильевского, связан с принижением уровня общественного развития славян, проникавших в Византию. В изображении К. Н. Успенского славяне — это дикие «орды», «варварский сброд», «банды», способные лишь разрушать, а не созидать¹¹⁶. Славянские орды, по К. Н. Успенскому, «способны были опустошать, разрушать, разгонять, распугивать, доставлять государству хлопоты и беспокойства, но и только»¹¹⁷. Славяне якобы не могли оказать какого-либо влияния на переустройство Византии, ибо они сами были слабы в хозяйственном отношении¹¹⁸; у них еще не было в VII—VIII вв. четко сложившихся, определенных общественных порядков¹¹⁹. «Перед нами,— пишет автор,— сплошь проходят стихийно-бессознательные кружения и толкания нерасчлененных, хаотических масс (славян.— З. У.), еще недоразвившихся до оседлости и хозяйственности» (курсив мой.— З. У.)¹²⁰.

«И трудно допустить,— настаивает автор,— чтобы рыхлые, беспомощные в хозяйственном отношении славянские пята (разрядка автора.— З. У.) могли властно влиять на переустройство давно налаженных порядков организованного государства»¹²¹.

Принижение уровня общественного строя славян прежде всего понадобилось К. Н. Успенскому для нанесения основного удара против теории славянской общины и ее оживляющего влияния на Византию¹²². Категорически отрицая «проблематическую», по его словам, «общинность славян»¹²³, К. Н. Успенский доходит даже до утверждения (кстати, вполне укладывающегося в его общую махистскую социологическую схему), что «самый «общинный строй», как и его социологический соперник, «родовой строй, ирреальны» (разрядка автора.— З. У.)¹²⁴.

Именно отказ от выяснения общих закономерностей исторического развития, признание их «непостигаемости» и «непознаваемости» в духе махизма и могли привести К. Н. Успенского к полному отрицанию самих понятий «общинный» и «родовой» строй, как характеризующих определенные стадии развития человеческого общества.

Нападки на «общинную теорию», столь распространенную в конце XIX в. в буржуазной медиевистике, в том числе и русской, вместе с тем были весьма характерным явлением в русской буржуазно-либеральной историографии периода кризиса исторической науки в России. Весьма симптоматично, что именно в начале XX в., в период вступления России в стадию империализма, появились работы, пытавшиеся пересмотреть лучшие достижения русской византистики в угоду новым политическим требованиям буржуазии — требованиям апологетики и утверждения «из-

¹¹⁵ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 6.

¹¹⁶ Там же, стр. 143, 151, 159, 161, 162 и др.

¹¹⁷ Там же, стр. 162.

¹¹⁸ Там же, стр. 6.

¹¹⁹ Там же, стр. 162.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же, стр. 6.

¹²² Там же, стр. 162.

¹²³ Там же, стр. 166.

¹²⁴ Там же, стр. 162.

вечности) капитализма. Как известно, именно в это время вышла в свет книга Б. Панченко «Крестьянская собственность в Византии», тенденциозно отрицавшая существование в византийской деревне общинной собственности. И это не было «голосом одиночки». Во время революции 1905 г., в обстановке бурного роста крестьянских волнений, взгляды Б. Панченко встретили восторженную оценку А. А. Васильева¹²⁵. Большое влияние работа Б. Панченко оказала и на К. Н. Успенского. Но еще большее, по видимому, воздействие на него оказали политические события его времени, в особенности борьба против общинного землевладения в России, связанная с проведением столыпинской реформы в 1907 и 1909 гг. «Антиобщинные» высказывания стали весьма модными в это время среди русской либеральной буржуазии, особенно западнического направления, так же как несколькими десятилетиями ранее либеральная интеллигенция буквально с пеной у рта защищала «общинную теорию». В спорах, развернувшихся среди русской интеллигенции, о судьбах крестьянской общины К. Н. Успенский не занял, однако, крайне правой позиции, подобно Б. Панченко. Восприняв во многом взгляды Б. Панченко о наличии частной крестьянской собственности в Византии — по данным «Земледельческого закона»¹²⁶ (он, например, согласен с тем, что, по данным «Земледельческого закона», в Византии не было других аграрных отношений, кроме отношений, основанных на личной крестьянской собственности)¹²⁷, К. Н. Успенский, вместе с тем, сам видит *о д н о с т о р о н н о с т ь и о г р а н и ч е н н о с т ь* построений этого ученого и прислушивается внимательно к голосу его критиков, в частности П. В. Безобразова и П. Мутафчиева¹²⁸. Он сам призывает отказаться от «общинобоязни», которой был заражен Б. Панченко, и согласен признать некоторые пережитки общинных отношений в Византии VII—VIII вв., однако их истоки он видит совсем в иных исторических явлениях, чем его предшественники — русские византилисты, сторонники «общинной теории».

Прежде всего К. Н. Успенский решительно отрицает всякую связь общинной собственности в Византии со славянской иммиграцией¹²⁹. Для этого он выступает против общепринятой в науке датировки «Земледельческого закона» временем правления первых Исаврийских императоров и переносит создание «Земледельческого закона» на VII в., датируя его правлением Юстиниана II¹³⁰. Аргументация К. Н. Успенского в пользу датировки «Земледельческого закона» VII в. крайне скудна и в конечном счете в основном сводится к отрицанию близости «Земледельческого закона» к Эклоге¹³¹. Кроме того, по мнению автора, «варварский» и «наивно эмпирический» характер «Земледельческого закона» дает якобы основание отнести его к VII в. — периоду «наибольшего упадка образованности в империи»¹³². В качестве аргументов против связи «Земледельческого закона» со славянской колонизацией К. Н. Успенский, кроме того, выдвигает «*южный, греческий*» характер хозяйства по «Земледельческому закону» (наличие садов и виноградников, отсутствие лугов, использование волов, а не лошадей в качестве рабочего скота и т. п.), якобы

¹²⁵ См. его рецензию на книгу Б. Панченко (ЖМНП, № 6, 1905, стр. 444—454).

¹²⁶ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 168—169.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же, стр. 176.

¹²⁹ Там же, стр. 164—165.

¹³⁰ Эту датировку «Земледельческого закона», как известно, принимают Т. Вернадский, Г. Острогорский и некоторые другие исследователи.

¹³¹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 163—165.

¹³² Там же, стр. 164; Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. 30.

находившийся в полном противоречии с «северным» характером хозяйства славян¹³³.

С той же целью отрыва общины в Византии от славянской колонизации К. Н. Успенский стремится доказать «недоказуемость» общинных отношений по данным «Земледельческого закона».

Большинство своих аргументов против наличия общины по «Земледельческому закону» К. Н. Успенский, естественно, черпает у Б. Панченко. В основных чертах они сводятся к толкованию раздела земли по «Земледельческому закону» не как раздела общинной территории, а как «заимки крестьянами еще не взятой пока под культуру земли»¹³⁴; к пониманию многих статей закона в плане ограждения личной крестьянской собственности в случаях, не предусмотренных Кодексом Юстиниана и Эклогой¹³⁵; к отрицанию наличия круговой поруки в византийской деревне, ибо уплата подати за ушедшего из села крестьянина — результат не общинности, а «системы эпиболе»; к трактовке термина κοινότης не как «община», «общая земля» и т. п., а как «сельское общество», село, как «собственник территории, еще не поступившей в частную собственность отдельных хозяев»¹³⁶, и т. п. В целом К. Н. Успенский солидаризируется с выводом Б. Панченко о том, что «Земледельческий закон» освещает положение лишь одной категории византийского крестьянства — свободных собственников, живших на государственных землях»¹³⁷.

Отрвав общину в Византии от славянской колонизации и «Земледельческого закона», К. Н. Успенский, однако, не соглашается полностью исключить наличие общинных отношений из аграрной истории Византии VIII—IX вв. Прислушиваясь к критике Мутафчиевым «частнособственнической» теории Б. Панченко (например, К. Н. Успенский соглашается с утверждением Мутафчиева, что наличие неразделенной земли во владении села — доказательство существования общины, а не наоборот, как старался доказать Б. Панченко), К. Н. Успенский, однако, в угоду своей теории эволюции отказывается видеть в пережитках общинных отношений, по «Земледельческому закону», «первоначальную», «первобытную» общину, а усматривает лишь вторичное образование на почве индивидуального права общинных отношений¹³⁸. При этом, по его мнению, речь должна идти не об общинной собственности как таковой, а о порядках распоряжения и хозяйственного пользования землей, которые в Византии якобы «развивались в коллективном, общинном направлении еще со времен Римской империи»¹³⁹. Основываясь на трудах М. И. Ростовцева и П. Г. Виноградова, К. Н. Успенский вслед за ними утверждает, что свободные крестьяне-собственники, применявшие в хозяйстве общинные порядки, в Византии явление отнюдь не новое, а генетически восходящее ко времени господства римского колоната¹⁴⁰. Остатки общинных угодий — явление, имевшее место и при римском колонатном быте и строе, причем это отнюдь «не признаки первобытной общины, а результат так называемого вторичного, производного образования общинных связей и отношений»¹⁴¹.

К. Н. Успенский поддерживает мнение о существовании в Византии общинных порядков еще задолго до славянской колонизации. Общинная

¹³³ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 171.

¹³⁴ Там же, стр. 167—168; Б. А. Панченко. Указ. соч., стр. 36—38.

¹³⁵ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 169.

¹³⁶ Там же, стр. 168.

¹³⁷ Там же, стр. 171—172.

¹³⁸ Там же, стр. 176.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же, стр. 172—173.

¹⁴¹ Там же, стр. 166.

организация крестьянства если и не подтверждается с очевидностью «Земледельческим законом», то отчетливо засвидетельствована другими, более ранними памятниками, в частности Кодексами Феодосия и Юстиниана, где упоминаются общины (метрокомии, комитуры), объединяющие независимых крестьян, ведущих хозяйство на основах общинности¹⁴². Появление этой общинной организации К. Н. Успенский объясняет тем, что в особенности с V в. среди крестьян империи усиливались элементы и тенденции свободы и налаживались общинные учреждения не из-за этнографических перемен, а «вследствие необходимости для помещиков организовать свои владения не по принципу абсолютной власти управляющих, а по принципу самоуправляющихся общин, платящих оброк владельцу»¹⁴³. К. Н. Успенский, таким образом, не хочет видеть того, что община в своем развитии проходит различные стадии от родовой до сельской территориальной общины-марки. Вместо этого он считает, что общинные связи в империи «в т о р и ч н о» создавались исключительно по воле помещика. В данном вопросе выводы К. Н. Успенского перекликаются отчасти с утверждениями представителей так называемой «государственной школы» (в частности Герье) о том, что община может создаваться и отменяться по воле государства и помещиков. Вывод К. Н. Успенского прост и вполне категоричен — община в Византии имеет древние корни и понятна без славянской колонизации и реформ иконоборцев. В свою очередь «становится понятным происхождение и назначение... Крестьянского закона без принятия недоказуемой славянской иммиграции и без предположения вызванной ею крупной реформы, перестраивавшей крестьянскую жизнь на новых общинных началах»¹⁴⁴.

В эскизном очерке К. Н. Успенского, дающем набросок дальнейших судеб византийского крестьянства с VIII по XI в.¹⁴⁵, можно отметить два основных положения: 1) выступая против теории так называемого «вторичного закрепощения» (согласно которой крепостничество в Византии XIII—XV вв. являлось результатом вторичного закрепощения крестьянства, ставшего под влиянием славянской колонизации свободным в VII—VIII вв., а с IX в. и особенно в X в. не устоявшего перед натиском властителей, несмотря на противодействие императоров Македонской династии), К. Н. Успенский сам фактически становится на сторону ф и с к а л ь н о й теории происхождения крепостничества. Крестьяне-парики для него — собственники земель, находившиеся не в личной, а в податной, тягловой зависимости¹⁴⁶. Пожалования в вотчину или пронию не колебали собственности париков, ибо эти пожалования заключались лишь в уступке казной феодалу тягла (τέλος) париков с второстепенными повинностями¹⁴⁷. Лишь при отсутствии у крестьян наследственной стаси, при поселении безземельных пришлых людей крепостничество изменяет свою сущность — перестает быть территориальной зависимостью и превращается в личный союз¹⁴⁸; 2) вновь и вновь возвращаясь к своей излюбленной идее эволюционизма, К. Н. Успенский тенденциозно и

¹⁴² При этом крестьянское землевладение на общинных основаниях приспособлялось к римским законам, ибо для римского права общинные отношения были известной формой совладения (К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 175). Появление общин автор относит даже к еще более раннему времени, в частности к правлению императора Константина (там же, стр. 175).

¹⁴³ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 174—175.

¹⁴⁴ Там же, стр. 175—176.

¹⁴⁵ Там же, стр. 177—182.

¹⁴⁶ Там же, стр. 178.

¹⁴⁷ Там же, стр. 178—179. Ср. Б. А. Панченко. Указ. соч., стр. 233.

¹⁴⁸ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 170.

голословно утверждает, что «...в многовековом процессе развития крестьянства империи с VI по XI в. мы не вправе предполагать каких-нибудь крупных поворотных пунктов, привожения новых, значительно изменяющих естественное течение факторов»¹⁴⁹. Византийские парики XII—XIII вв., по мнению автора, — отдаленные, но все-таки прямые потомки *coloni liberi* и адскриптициев юстиниановского Кодекса¹⁵⁰.

Одним из краеугольных камней исторической концепции К. Н. Успенского является теория так называемого монастырского феодализма. Ее важное значение в цепи общеисторических построений К. Н. Успенского видно из того, что основным отличием, специфической особенностью византийского феодализма по сравнению с западноевропейским К. Н. Успенский считает именно «монастырский феодализм»¹⁵¹.

В Византии, по мнению К. Н. Успенского, уже с VI—VII вв. носителями феодального расчленения империи были монастыри-сеньории, в этом отношении игравшие ту же роль, что герцогства и графства Западной Европы. Однако в Восточной Римской империи монастыри с самого начала строились как элементы антифеодальные по своей внутренней организации, в то время как западноевропейские сеньории возникали как феодальные государства в миниатюре¹⁵². В Византии монастыри представляли собой, по мнению Успенского, централизованные мирки внутри феодализирующегося государства; в этом и состояла их непреоборимая сила и живучесть. Процесс феодализации на Западе и Востоке аналогичен: «Большое социально-политическое тело... разлагается и размыкается на малые, живучие, доступные до понизившегося политического сознания организмы»¹⁵³. Но повсюду эти малые мирки имеют свои особенности: главным своеобразием восточноевропейского «византийского» феодализма и было именно то, что Византия распалась на централизованные мирки-монастыри. Сила этих мирков-монастырей состоит в том, что они сами стремятся избавиться от слабостей и недостатков, свойственных феодализованной организации¹⁵⁴.

Чрезвычайно идеализируя монастырство и монастырскую организацию, в частности монастырское общежитие — киновию, К. Н. Успенский полагает, что именно монастыри были «одной из форм, в которой отливались попытки самоорганизации людей при помутнении идеи государственности»¹⁵⁵. Деспотически-монархический характер построения киновий с неограниченной властью игумена, строжайшей дисциплиной и послушанием, ее воинствующий характер в борьбе за идеалы монашества, проповедь активного аскетизма и обязательного труда и, наконец, социалистический(?) характер монастырского общежития, в хозяйственном отношении построенного по принципу солидно обоснованной

¹⁴⁹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 181.

¹⁵⁰ Там же. Правда, на стр. 177 автор, противореча себе, отрицает этот тезис и не признает в париках XI—XII вв. даже отдаленных потомков колоннов и адскриптициев VI в.

¹⁵¹ Там же, стр. 199—200.

¹⁵² Там же, стр. 198.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, стр. 199.

¹⁵⁵ Там же, стр. 200.

коммуны¹⁵⁶, — все это делало монастыри очагами централизации и строгой организации в распадавшемся феодальном мире.

«Монастыри являлись именно в силу своего внутреннего устройства наиболее мощными и жизнеспособными организмами в феодализованном обществе и государстве, теми убежищами для угнетенных и растерянных, с л а б ы х (разрядка автора. — З. У.) элементов, теми притягательными центрами для тянувших к обособлению с и л ь н ы х элементов общества, в форме и посредством которых развивалась феодализация и распадение большого государства на малые политические миры»¹⁵⁷.

Экономические основы могущества монастырей в Византии, как полагает, без достаточных, правда, доказательств, К. Н. Успенский, были заложены еще в VI в., а в VII в. уже чуть ли не половина земель империи якобы находилась в руках церковных учреждений¹⁵⁸. Экономической и политической независимости, экзимирированности монастырей способствовало то, что они с самого начала создавались на экзимирированных землях императора и фиска и уже с VI в. пользовались неограниченным иммунитетом¹⁵⁹.

Чтобы убедительнее обосновать свою теорию «монастырского феодализма» и сделать правдоподобной картину необычайной мощи монастырей-княжеств, К. Н. Успенский прибегает к совершенно явным натяжкам и домыслам. Он всячески стремится доказать, что экскуссия (равнозначная, по его мнению и мнению некоторых других византинистов, в частности П. А. Яковенко, западноевропейскому иммунитету) всегда, начиная с царствования Юстиниана, была существеннейшей чертой крупного монастырского землевладения¹⁶⁰. Монастырскую экскуссию VII—VIII вв. автор выводит непосредственно из экзимирированности крупных вотчин Римской империи, считая их если и не вполне тождественными, то однохарактерными явлениями¹⁶¹. Правильно подчеркнув своеобразие византийской экскуссии и совершенно правомерно критикуя теорию заимствования этого института в Византии с Запада¹⁶², К. Н. Успенский, однако, теряет исторический подход к этому явлению, стараясь на основании данных источников XI—XII вв. доказать существование широкой монастырской экскуссии в империи уже с VI в. С этой же целью он прибегает к различным недоказуемым домыслам, утверждая, что хрисовулы XI—XII вв. содержат данные уже о «сужении монастырской привилегированности»; в этот период «прежняя неограниченная и хаотическая экзимирированность (монастырей-княжеств VI—VIII вв.) якобы уже сжалась до отчетливо ограниченной и канцелярски расчерченной дипломированной экскуссии¹⁶³. Из-за отсутствия источников никаких положительных дан-

¹⁵⁶ Там же, стр. 202.

¹⁵⁷ Там же, стр. 207—208.

¹⁵⁸ Там же, стр. 102. Правда, в другом месте своего труда автор говорит, что монастырям принадлежала к VIII в. всего 1/3 земель (там же, стр. 183). Того же мнения придерживался и В. Г. Васильевский. М. Я. Сюзюмов в работе «Проблемы иконоборчества в Византии» (Свердловск, 1948, стр. 80 и сл.) прекрасно показал на данных источника всю неосновательность преувеличения К. Н. Успенским размеров и мощи монастырского землевладения в Византии в VI—IX вв.

¹⁵⁹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 101 и 186—190; ср. критику этого положения: М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 82 и сл.

¹⁶⁰ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 187 и 190. Вопросу об экскуссии посвящена специальная статья К. Н. Успенского «Экскуссия-иммунитет в Византийской империи». ВВ, XXIII, 1923. По своим выводам работа эта совпадает с основными положениями автора в его «Очерках».

¹⁶¹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 186.

¹⁶² Там же, стр. 186, 190.

¹⁶³ Там же, стр. 196.

ных о монастырской экскуссии VI в. автор, конечно, привести не может¹⁶⁴. Причиной сужения монастырской экскуссии в XI—XII вв. по сравнению в VII—VIII вв. автор считает борьбу государства с успехами диссоциации, и эта постоянная борьба, идущая с переменным успехом, задерживала полный разлив феодальных сил¹⁶⁵.

Вывод автора вполне категоричен и сводится к тому, что «золотой век» монастырской «самодержавности» надо искать в VII—VIII вв., «когда империи действительно грозило превратиться в слабое, рассыпчатое сцепление княжеств-монастырей»¹⁶⁶.

Итак, отрицательно относясь к самому процессу феодализации, понимаемому им прежде всего как процесс диссоциации единого государства, и всегда сочувствуя силам централизации, К. Н. Успенский в монастырях-княжествах неожиданно и парадоксально видит одновременно и силы, тянущие к распадению империи, и центры ее внутреннего объединения. В период расползания единой государственности лишь своеобразные феодальные миры — монастыри-княжества — были могучи и «как крупнейшие землевладельцы особого привилегированного типа», и как центры внутреннего сцепления распадающегося общества. Неприкрытая идеализация монастырской жизни и монастырей-княжеств с большой силой звучит у Успенского как заключительный аккорд в характеристике особенностей «монастырского феодализма».

«Среди политических смут, социального хаоса, хозяйственного оскудевания и культурного огрубения, характеризующих жизнь империи в VI—VII вв., монастыри стояли, как неприступные крепости со своими укладами и порядками. Только здесь были элементы благоустройства, организованности, общительности и сотрудничества; только здесь в складе и движении жизни была целесообразность и сознательность; только здесь, наконец, было общее подчинение определенному закону и власти»¹⁶⁷.

Итак, согласно концепции К. Н. Успенского, к началу VIII в. в Византии лицом к лицу противостояли две силы — надклассовое государство, оторванное от феодализирующегося общества, ослабленного феодализацией, и мощные централизованные монастыри-княжества, носители «порядка в беспорядке» и одновременно центры диссоциации, страшный враг единой империи, грозившие самому ее существованию¹⁶⁸.

И это государство в лице стоявших во главе его императоров неминуемо было обречено на столкновение с монастырским феодализмом, столкновение, принявшее форму и к о н о б о р ч е с т в а¹⁶⁹. Необходимо признать, что именно новая для своего времени трактовка сущности иконоборчества принесла К. Н. Успенскому наибольшую известность, имела бесспорный успех у современников и оказала значительное влияние на последующее изучение этого вопроса. И действительно, трудно отрицать, что для своего времени попытка К. Н. Успенского прямо и недвусмысленно изобразить иконоборчество не чисто догматической религиозной борьбой, как было принято рисовать его в буржуазной науке, а столкновением различных социально-политических...

¹⁶⁴ В качестве довода в пользу существования широчайшей экскуссии для монастырей в VI—VIII вв. автор выдвигает лишь гипотезу об утере документов раннего времени, а также предположение о том, что в VI—VIII вв. экскуссия еще не оформлялась, а в XI в. она была уже давним и хорошо известным институтом («Очерки...», стр. 187).

¹⁶⁵ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 196.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же, стр. 197.

¹⁶⁸ Там же, стр. 208.

¹⁶⁹ Там же.

сил на основе борьбы реальных имущественных интересов являлась бесспорным шагом вперед в развитии византиноведения. Свое научное кредо по вопросу об оценке сущности иконоборчества К. Н. Успенский сформулировал следующим образом: «Спор по вопросу об отношении к иконам и св. изображениям должен выясняться как идеологическая надстройка, или даже, точнее, пристройка (разрядка автора. — З. У.) более реального и, я бы сказал, социального столкновения: иконоклассия и иконодулия — только символы, идейные маски, прикрывающие собой действительные, живые лики борющихся в VIII в. в империи общественных сил»¹⁷⁰.

Но какие же общественные силы и по каким причинам, по К. Н. Успенскому, приняли участие в столь длительной и упорной борьбе, раздиравшей империю в течение двух веков и облеченной в форму религиозных споров иконоборцев и иконопочитателей? Выводы Успенского кратко можно сформулировать так: нуждаясь в военных контингентах и налоговых поступлениях, необходимых для борьбы с арабами, а позже с болгарами, императоры Исавирийской династии начали наступление на монастыри и монашество, отвлекавшие «под свой покров» как людей, способных служить в армии, так и уклонявшихся от уплаты государственных налогов. В своей борьбе против монастырства и монашества уже первые императоры-иконоборцы искали себе союзников и нашли их прежде всего в военно-служилых людях, затем в епископате и отчасти в народных массах¹⁷¹. Для императорского правительства с самого начала основным вопросом борьбы было отнюдь не отношение к иконам, а борьба с монастырями и монашеством, тогда как вопрос об иконах оставался второстепенным. В действительности же, по мнению автора, пресловутый вопрос о почитании икон был искусственно раздут самими иконодулиями — патриархатом и особенно монашеством, которым было крайне выгодно перевести борьбу в плоскость чисто богословских споров, чтобы дискредитировать императоров как еретиков и подорвать доверие широких народных масс к правительству¹⁷².

Проводя борьбу с «монастырским феодализмом», иконоборческое правительство Льва III¹⁷³ и особенно Константина V начинает активно выступать с требованием отмены монашества и возвращения в мир монахов; монахи должны вернуться в мир прежде всего для того, чтобы работать на государство и платить налоги. В этой борьбе против «монастырского феодализма» запрещение почитания икон не играет существенной роли¹⁷⁴. У монастырства же вначале нечем было защищаться от натиска правительства, и поэтому монахи должны были перевести борьбу в сферу религиозного спора — выдвинуть на первый план «проходной» вопрос об иконах, для отвлечения общества от сущности движения¹⁷⁵. По мнению автора, Лев III и его окружение по существу еще не выступали «иконоборцами», а таковыми их сделали их противники, которые «вызвали иконоборческое богословствование, и движение расщепилось: с одной стороны, шла, напрягалась реформационная попытка и при Константине, с другой —

¹⁷⁰ К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его Хронография. ВВ, III, 1950; IV, 1951. Эта работа была написана К. Н. Успенским еще в 1917 г., но издана уже посмертно, спустя более 30 лет.

¹⁷¹ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 254—255.

¹⁷² Там же, стр. 213.

¹⁷³ По мнению К. Н. Успенского, Лев III был еще далек от иконоборчества, а его реформы являлись походом против монастырства и монашества («Очерки...», стр. 252).

¹⁷⁴ Там же, стр. 256—258.

¹⁷⁵ Там же, стр. 259. Ср. К. Н. Успенский. Феофан и его Хронография. ВВ, III, 1950, стр. 436.

и параллельно этой борьбе с монастырским феодализмом — пылал уже специально богословский, притянутый к старинной Христологии спор об описуемости Христа и поклонении святым»¹⁷⁶.

Однако, не отрицая бесспорной заманчивости этого построения К. Н. Успенского, следует все же отметить наличие важного противоречия: если почитание икон, как доказывает сам автор, было существенным фактором укрепления власти монастырей и монашества, придающим им силу и обособление¹⁷⁷, то как же можно сводить вопрос о почитании икон к чисто богословским спорам и считать его незначительным и второстепенным? Мы полагаем, что и сама борьба вокруг почитания икон была для VIII—IX вв., периода полного господства религиозного мировоззрения, немаловажной составной частью той сложной социально-политической борьбы, которая восприняла ее название. Для привлечения на свою сторону военно-служилого сословия и для подрыва экономической мощи монастырей-княжеств, по мнению К. Н. Успенского, императоры-иконоборцы (особенно Константин V) приступают к секуляризации церковно-монастырских земель и раздаче их в виде харистикиев (аналогичных западноевропейским бенефициям) преимущественно военному сословию в награду за службу и верность¹⁷⁸. Монастыри превращаются в мирские учреждения, нарушается эксклусия, освобождавшая их от постоя войск.

Таким образом, основной линией иконоборчества, по К. Н. Успенскому, являлась борьба императорской власти, опиравшейся на военно-служилое сословие, против монастырского феодализма и его экономической базы — экзимирированного церковно-монастырского землевладения¹⁷⁹.

¹⁷⁶ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 248. По мнению К. Н. Успенского, позднейшие иконодульские писатели, особенно Феофан, а отчасти и Никифор, следуя созданной монашеской партий традиции, также всячески выдвигали на первый план спор об иконах и вуалировали истинные причины иконоборчества. Подтверждению этой мысли посвящена превосходная источниковедческая работа К. Н. Успенского о Хронографии Феофана, где автор показывает, как Феофан (и отчасти Никифор) фальсифицировал в определенном политическом духе использованную им не дошедшую до нас иконоборческую хронику правления Льва III и Константина V. Показав полный произвол Феофана в использовании исторического материала и его крайнюю тенденциозность, К. Н. Успенский, произведя тщательнейший источниковедческий анализ труда Феофана, обнаруживает, что все места Хроники Феофана, где говорится о собственно иконоборчестве Льва III и Константина V, — явная фальсификация, сообщения же Хроники о борьбе этих императоров против монахов и монашества при проверке оказываются более достоверными (К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения. Феофан и его Хронография, стр. 430 сл., 434—438; ВВ, IV, 1951, стр. 210—262). Однако, на наш взгляд, и сам К. Н. Успенский в известной степени тенденциозно подбирает данные источников для отрицания значения собственно борьбы против икон, которую все же нельзя сбрасывать со счетов при изучении всего движения в целом.

¹⁷⁷ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 222—226.

¹⁷⁸ Там же, стр. 258.

¹⁷⁹ В курсе лекций по истории Византии, прочитанных в 1912/13 г. на Высших женских курсах, К. Н. Успенский чрезвычайно высоко оценивает труды В. Г. Васильевского по истории иконоборчества, считая, что тот — единственный из всех исследователей, занимавшихся этим вопросом, «сумел осветить это движение с социально-политической его стороны, которая и составляла его сущность». К. Н. Успенский присоединяется к мнению В. Г. Васильевского, что между иконоборчеством и знаменитой секуляризацией церковных богатств, проведенной Каролинггами, имеется аналогия и что они совпадают не только по времени, но и по мотивам, их вызвавшим («Курс лекций 1912/13 г.», стр. 328—329). Однако в курсе лекций 1914/15 г. и в «Очерках», изданных в 1917 г., К. Н. Успенский уже не упоминает об аналогии между иконоборчеством и каролингской секуляризацией; это заставляет думать, что он пересмотрел свои взгляды. Ср. критику теории тождественности иконоборчества и каролингской секуляризации: М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества..., стр. 78—81.

Параллельно с императорской реформацией, по мнению К. Н. Успенского, в Византии в период иконоборчества происходила и так называемая «епископская реформация», составившая одну из существенных линий социально-политической борьбы того времени. Истоки «епископской реформации» автор ищет опять-таки в феодализации самой церковной организации: она была вызвана сопротивлением епископов, не желавших превращаться в простых вассалов крупных церковных сюзеренов и выступавших против роста монастырской аутодеспотии, подрывавшей власть епископов на местах. «Епископская реформация» первоначально составила вполне самостоятельное течение в иконоборчестве, существовавшее отдельно от правительственной «реформации», и лишь позднее обе эти линии в иконоборчестве сближаются и объединяются в общей борьбе против монастырей и монашества¹⁸⁰.

Для общей оценки трактовки иконоборчества у К. Н. Успенского является очень важным его освещение позиции народных масс в иконоборческом движении. Как совершенно правильно указывала уже Е. Э. Липшиц¹⁸¹, наиболее слабым местом концепции К. Н. Успенского в вопросе об иконоборчестве, кроме крайней идеализации монашества, является резко отрицательное отношение к народным массам и недооценка их роли в иконоборческом движении. Характерное для буржуазной историографии эпохи ее кризиса глубоко презрительное и враждебное отношение к народным массам, проходящее красной нитью через все труды К. Н. Успенского, в оценке роли широких масс в иконоборческом движении проявляется с особой силой. Высокомерно третируя «невежественную чернь», автор подчеркивает, что вопрос о почитании икон был доступен даже для понимания грубых народных масс, ибо это вопрос чисто культовой внешности, религиозных привычек, традиций, так сказать манер христианского общества, захвативший все социальные слои населения¹⁸². Иконодильские писатели, в частности Феофан, следуя традиции, созданной в монашеской среде, всячески пытались доказать, что иконоборческие мероприятия исаврийских императоров встретили «демократический» отпор со стороны широких народных масс. Действительно, монашество вело агитацию среди «темного и легко возбудимого простонародья столицы и других крупных городов», и эта агитация кое-где имела успех: «...сбитая с толка, терроризованная гневом божьим толпа производила скандал, устраивала шумную манифестацию. Но сознательного, планомерного участия в поднявшейся борьбе народ не принимал» (курсив мой. — З. У.)¹⁸³

¹⁸⁰ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 251—252.

¹⁸¹ Е. Э. Липшиц, II. Предисловие к работе К. Н. Успенского «Феофан и его Хронография». ВВ, III, 1950, стр. 395. Е. Э. Липшиц справедливо указывает, что, сводя социальные столкновения в империи в период иконоборчества лишь к борьбе императоров против монастырского феодализма, К. Н. Успенский чрезвычайно суживает задачу исследования, ибо такая постановка вопроса «выбрасывает из рассмотрения решающие движущие силы, проявляющиеся в классовой борьбе угнетенных классов византийского общества, т. е. именно те силы, которые своей борьбой против господствующей церкви и правительства в значительной степени определили необходимость для последнего вступить на путь реформ». В своих трудах Е. Э. Липшиц позитивно, на основании данных источников, показала участие народных масс в иконоборческом движении. См. Е. Э. Липшиц, Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, VI, 1952, стр. 69—70 и сл.

¹⁸² К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 221.

¹⁸³ Там же, стр. 253. Автор подчеркивает, что вопреки утверждению монашеской партии иконоборческие, вернее, «монахоборческие» мероприятия Льва III не подняли народного движения, ибо народный протест мог бы вылиться в «революцию», а сведений об этом в источниках нет. Следует указать, что под «революцией» К. Н. Успенский всегда понимает лишь государственный переворот в узком смысле слова, только смену правящей династии (см. «Очерки...», стр. 253, ср. стр. 192).

Таким образом, отбросив утверждение монашеской партии о том, что народ был активным участником иконоборческого движения на стороне иконодолов, К. Н. Успенский, однако, лишь вскользь упоминает и о выступлениях народных масс на стороне иконоборцев, об их участии в «погромах» монастырей и антимонашеских демонстрациях¹⁸⁴. Для Успенского «народ» остается единой аморфной массой, он не видит (а скорее, не хочет замечать) его расслоения, распада на определенные социальные группировки, которые по своим социальным причинам в определенные периоды поддерживали то иконоборцев, то иконопочитателей. К. Н. Успенского совершенно не интересует классовая борьба народных масс, тесно переплетающаяся с иконоборчеством; недаром вне поля его зрения остаются и движение павликиан, и восстание Фомы Славянина, и другие народные выступления той эпохи.

В чем же видит К. Н. Успенский причины неудачи иконоборческого движения в Византии и на чьей стороне его сочувствие — на стороне иконопочитателей или иконоборцев?

Основную причину провала иконоборческой реформации автор усматривает прежде всего в далеко зашедшей феодализации в византийском обществе. «Империя и ее общество в достаточной степени были феодализированы: правительственным распоряжениям не хватало надлежащей авторитетности, а разомкнувшимся частям общества — сознания принадлежности к единому государству и стремления к его пользе и поддержанию его»¹⁸⁵. Отсюда — отсутствие систематичности и уверенности в действиях правительства, несмотря на то, что его поддерживали епископат, войско и часть народных масс¹⁸⁶. К тому же «носители феодальной мощи в империи — монастыри-сеньории — были еще крепки и жизнеспособны», и после некоторой растерянности они вновь воспрянули духом и «забронировались до неуязвимости»¹⁸⁷. Недаром вскоре после восстановления иконопочитания, во второй половине IX и первой половине X в., начинается новый рост «монастырского феодализма»¹⁸⁸.

Итак, в изображении К. Н. Успенского вся история Византии с IV по XI в. по существу является борьбой центральной государственной власти с силами феодального расчленения, диссоциации. При этом византийская история знает «приливы и отливы» государственности, победы и поражения то сил централизации, то сил феодализации. Наиболее напряженной эта борьба была в период правления Юстиниана, когда она приняла форму столкновения правительства с феодальными силами в лице сенаторского землевладения, и в период иконоборчества, когда центральная власть напрягает все свои усилия в борьбе с «монастырским феодализмом». И в том и в другом случае, несмотря на временные успехи централизации, верх берут, в конечном счете, феодальные силы, победа которых неизбежна.

На чьей же стороне симпатии автора? Если в борьбе Юстиниана с сенаторским сословием К. Н. Успенский в силу своего преклонения перед крепкой государственной властью всецело на стороне императора и его союзника — церковно-монастырского землевладения, то в оценке

¹⁸⁴ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 260.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же, стр. 264.

иконоборчества симпатии автора склоняются на сторону носителя феодализации — монашества. Правда, он далек от конфессиональной точки зрения, восхваляющей иконопочитателей, так же как и от идеализации реформаторской деятельности иконоборческих императоров, свойственной некоторым представителям буржуазной историографии XIX в. (Папаригопуло, Финлей и др.). Однако он говорит тоном явного осуждения о конфискации Константином V земель монастырей и о превращении самих монастырей в «мирские убежища» (!)¹⁸⁹. Он против попыток искоренения монастырства и монашества иконоборческими императорами именно в силу того, что считает монастыри не только носителями феодализации, но, как мы видели выше, центрами объединения и благоустройства империи. Поэтому, будучи сторонником сильной государственной власти и централизации, он все же признает неизбежность победы феодализма и считает, что лучшим его видом был именно «монастырский феодализм», по пути развития которого и следовало идти Византийской империи.

Трактовка К. Н. Успенским иконоборческого движения в Византии привлекала уже внимание советских ученых, но получила у них противоречивую оценку. Многие медиевисты, а из византинистов — Е. Э. Липшиц и М. В. Левченко, поддержали основной тезис К. Н. Успенского о борьбе иконоборческого правительства в союзе с военно-служилым сословием против церковно-монастырского землевладения¹⁹⁰. В то же время, как известно, М. Я. Сюзюмов в своей интересной работе «Проблемы иконоборчества в Византии» подверг эту теорию К. Н. Успенского суровой и весьма фундированной критике¹⁹¹.

На наш взгляд, при всей справедливости многих аргументов М. Я. Сюзюмова, которые вряд ли есть необходимость здесь повторять, все же невозможно совершенно отбросить то рациональное зерно, которое имеется в трактовке К. Н. Успенским иконоборчества: нельзя не видеть, что в основе этой борьбы лежали реальные материальные интересы борющихся социальных групп — борьба за церковно-монастырские земли, а не только за церковные сокровища, как полагает М. Я. Сюзюмов. Для своего времени эти попытки К. Н. Успенского найти материальную основу социально-политических столкновений были прогрессивной стороной его концепции. В этих поисках К. Н. Успенский шел ощупью, часто уклонялся от прямого пути, но все же он искал. И именно поэтому его теория, выдвигавшая, пусть недостаточно четко и последовательно, социально-экономические основы иконоборчества, пережила ее автора и не была забыта в науке.

Вместе с тем в научном творчестве К. Н. Успенского как нельзя более остро проявились противоречия, свойственные всей буржуазной историографии в России в период кризиса буржуазной науки. Для русской буржуазно-дворянской историографии революция 1905 г. была таким же поворотным моментом, как для западноевропейской — Парижская Коммуна. В среде либерально-дворянских историков произошел раскол: большинство ученых открыто отшатнулось от революции и перешло в стан реакции, проповедуя самые реакционные идеи и прежде всего борьбу

¹⁸⁹ Там же, стр. 258—259.

¹⁹⁰ См. «История средних веков», т. I, под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., 1938, стр. 210; изд. 1940 г., стр. 47—48; изд. 1952 г., стр. 213 сл.; Е. А. Л и п ш и ц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в., стр. 69 и сл.; М. В. Л е в ч е н к о. История Византии. М., 1940, стр. 123.

¹⁹¹ М. Я. С ю з ю м о в. Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 78 и сл.

с марксизмом; лучшая же часть буржуазно-либеральной интеллигенции, наоборот, стала искать путей к марксизму, вольно или невольно испытывая воздействие передовых идей.

Нельзя представлять себе кризис русской буржуазно-дворянской историографии первого десятилетия XX в. как полную победу реакции, хотя, безусловно, страх перед революционным движением и ростом влияния марксизма толкал значительную часть буржуазной интеллигенции на путь отказа от передовых теорий, от постановки широких проблем, к уходу в «чистую науку», в эмпиризм, голую фактологию. Но это отнюдь не означает, что и в это время в буржуазной науке не оставалось ничего передового, прогрессивного, что всякое научное творчество, всякие поиски нового прекратились.

Кризис буржуазной исторической науки и состоял прежде всего в чрезвычайном обострении идеологической борьбы, борьбы передовых и реакционных идей, причем по существу ни один крупный историк не мог остаться в стороне от этих столкновений. Очень часто эта идеологическая борьба преломлялась в творчестве ученых крайне противоречиво, до полного и окончательного размежевания прогрессивных и реакционных элементов было еще далеко; поэтому-то в трудах некоторых историков того времени так противоречиво, причудливо сплетаются реакционные идеи с прогрессивными теориями, с поисками новых точек зрения.

На примере научного творчества К. Н. Успенского эти противоречивые черты, свойственные русской буржуазной историографии эпохи ее кризиса, прослеживаются весьма наглядно. Действительно, в области методологии К. Н. Успенский открыто декларирует свою приверженность к реакционной, идеалистической философской системе махизма и исторического агностицизма, то прямо, то завуалированно борется против марксизма. Эта борьба против исторического, или, как он называет его, «социального», материализма проявляется прежде всего в стремлении противопоставить марксистской теории прогрессивной смены социально-экономических формаций теорию «извечности» феодализма, эволюционизм, отказ от признания революционной смены рабовладения феодализмом узкоюридическое понимание самого феодального строя. Особенно враждебно относится К. Н. Успенский к марксистской теории классовой борьбы — отсюда его пренебрежительное отношение к народным массам, понижение роли народных движений и фактический отказ от их изучения. С этим, конечно, теснейшим образом связаны идеализация государства как надклассовой силы и христианства как двигателя исторического прогресса. Вместе с тем, как это ни парадоксально на первый взгляд, К. Н. Успенского притягивают именно те проблемы, те вопросы, которые ставились марксистской наукой. Ведь не случайно вопрос о феодализме в Византии является центральным в его творчестве; ведь не случайно, что вывод о развитии феодальных отношений звучит как рефрен ко всем основным разделам его «Очерков». И пусть он дает неверное, порой эклектическое, порой просто идеалистическое понимание сущности феодального строя, но от постановки этой проблемы он уйти не может. Провозглашая отказ от широких обобщений и «схем», считая, что всякие поиски причин исторических явлений заранее обречены на неудачу, сам К. Н. Успенский строит по существу свою «концепцию», если угодно, «схему» истории Византии, причем фундаментом построенного им здания, хочет он того или нет, все же является социально-экономическое развитие. Сторонник фактологии, он сам часто рисует историю Византии широкими мазками, оперируя социологическими категориями. Отказываясь от позитивизма, он в своих конкретно-исторических исследованиях, скорее невольно, чем

вольно, выдвигает социально-экономическое развитие в качестве равноправного и даже весьма важного фактора истории. Ведь недаром в освещении основных тенденций развития Восточной Римской империи при Юстиниане и в вопросе об иконоборческом движении на первый план им выдвигается именно столкновение различных социально-политических сил на почве реальных имущественных интересов.

Все сказанное делает К. Н. Успенского одной из характернейших фигур русской буржуазной историографии периода кризиса исторической науки в России.
